

говорит о нежелании Ивана III вести войну с Ахматом и также связывает это нежелание с «клятвой прародителей» Ивана III ханам; послание Вассиана только давало возможность восстановить этот аргумент на основании полемики против него ростовского архиепископа; публикуемый памятник излагает его в прямой форме, как слова самого Ивана III: «Князь велик рече: Под клятвую есмь прародителей не подымати рук на царя». Конечно, публикуемый памятник не может играть роли основного источника при исследовании «стояния на Угре» — он относительно поздний и явно уступает в ценности рассказу об Угре Типографской и других летописей и посланию Вассиана. Возможно даже, что ссылка Ивана III на «клятву прародителей» в этом рассказе была придумана автором под прямым влиянием послания ростовского архиепископа; в пользу этого говорит следующая далее ссылка на библейскую историю и борьбу Израиля с хананейским царем Адонивезоком (книга Судей, I, 1—7), также читающаяся (и в более развернутом виде) у Вассиана.⁷ Но публикуемый рассказ во всяком случае свидетельствует о том, что в литературной традиции первой половины XVI в. (даже не испытавшей влияния повести из ростовского владычного свода)⁸ твердо сохранялась память о спорах и колебаниях во время «стояния на Угре» 1480 г. и еще не сложился совершенно фантастический рассказ о дерзкой отваге Ивана III, появившийся впоследствии в «Казанской истории».⁹

Большой интерес представляет публикуемый памятник и с чисто литературной точки зрения. Не отходя от исторической традиции XV в., он, однако, сильно драматизировал события 1480 г., широко пользуясь прямой речью героев и внося в нее некоторые черты из устного народного творчества. Особенно ощущаются эти черты в речи матери Ивана III: «Ино любиш частые дани имати и крестьянство продаати, и сахар ясти, и сладкыя меды пити и вино, и потешатись (с) своими бояры! Государь князь великы, преж всех мне, матери, секи голову и моим боярыням, и в православное крестьянство, а не выдай нас на поругание татаром, а себе на укор!».

Все эти особенности, несомненно, дают основание для того, чтобы опубликовать до сих пор неизвестный рассказ об Угре из летописного памятника первой половины XVI в.

ТЕКСТ

В лето [69]88 (1480) царю Ахмату бесерменину пришедшу к реце Оке. Князь же великы молился о мире, он же оканны не послуша, хотя разорити крестьянство. Князь велик рече: «Под клятвую есмь прародителей не подымати рук на царя». И помяну Израиля землю обетования прием, 29 царств, и вселишась ту, и потом согресиша ко господу, и господь предасть их; и востави богъ Июдю от рода их, и изби Хананеа и поима царя их Адонивезока, и повеле отсеши рук и нокы ему; Адонивезок глагола: 70 царемь отсекох аз рук и нозе и повеле им по тряпезую мою кормитись.

Тот же оканны Ахмат посла к велик князю со многими грозами, глагола: «Про что ты, княже, меня, царя в Орде, забыл, за многы лета

⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 522. Ср.: ПСРЛ, т. VIII, стр. 212.

⁸ Отметим, что о колебаниях Ивана III в 1480 г. говорят и Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, XXVI. М., 1959, стр. 262—266, 273—274), и Устюжский летописный свод (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 92—94), хотя никакой связи с рассказом Типографской летописи рассказы об Угре в этих летописях не имеют.

⁹ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 55—57.